

АНДРЕЙ
БУРОВСКИЙ

ХОЛОД ДРЕВНИХ КУРГАНОВ

АНОМАЛЬНЫЕ ЗОНЫ СИБИРИ

Таинственная Россия

Андрей Буровский

**Холод древних курганов.
Аномальные зоны Сибири**

«Алисторус»

2017

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Буровский А. М.

Холод древних курганов. Аномальные зоны Сибири /
А. М. Буровский — «Алисторус», 2017 — (Таинственная Россия)

ISBN 978-5-906995-02-5

Вблизи Чертовой поляны в Красноярском крае бесследно исчезло более 75 человек. Дьявольское кладбище возле реки Кова устлано трупами животных и птиц, от их растерзанных тел земля здесь имеет алый оттенок. Эвенкийские Чертовы ворота – смертельно опасный речной порог вблизи горы высотой 666 метров. Из новой книги знаменитого писателя Андрея Буровского вы узнаете все о самых мрачных и таинственных уголках Сибири.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-906995-02-5

© Буровский А. М., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

Введение	6
Часть I. Истории из Красноярска	7
Глава 1. Чудесная кукла с востока	7
Глава 2. «Суриковская гимназия»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Андрей Буровский

Холод древних курганов.

Аномальные зоны Сибири

© Буровский А., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

Материальный мир вообще место очень таинственное.
Архиепископ Антоний Сурожский

Введение

Все подвергайте сомнению, но помните – как раз самые невероятные истории вполне могут оказаться совершеннейшей правдой.
Ганс Шомбургк

В эту книгу вошли истории о встречах с необычным. Часть их произошла со мной, или я был свидетелем происходящего. Часть приключилась с людьми, которым я доверяю.

Разумеется, рассказанное приходилось отбирать, и отбирать довольно жестко. Наука выработала прекрасный интеллектуальный аппарат, позволяющий отделять истину от выдумки и реально существующее от фантомов человеческого сознания.

В проверке историй на достоверность я применял этот старый добрый метод: не брать сообщения на веру, а искать подтверждений рассказам. Смотрел, насколько можно доверять информатору; отсекал явно нечестных или явно больных людей. Отсекал свидетельства, откровенно ангажированные политически или коммерчески. Сомневался в рассказах, которые не подтверждались хотя бы одним свидетелем.

Но все время я помнил истины, вынесенные в эпиграфы: что истиной могут оказаться самые неожиданные, даже невероятные сведения. Что мир – место очень таинственное; что границ того, что «может» и чего никак «не может» в нем быть, не знает попросту никто.

Очень часто достоверность сообщению придают детали, которые самому информатору кажутся невероятными.

Так в свое время финикийские мореплаватели, отправившись вокруг Африки из Красного моря, через три года приплыли к Гибралтарскому проливу. Они привезли множество невероятных историй, в которые не в силах были поверить современники. Одной из самых нелепых историй было то, что по мере путешествия на юг солнце стояло все выше, пока не оказалось прямо над головами мореплавателей. Потом солнце начало всходить по небосклону все ниже и ниже, а в какой-то момент все повторилось сначала: солнце вставало все выше, вплоть до того, что оно оказалось прямо над головами мореплавателей и потом начало подниматься все меньше и меньше...

Сами финикийцы честно фиксировали все происходящее, но объяснить явление оказались не в силах: они ведь не знали, что Земля шарообразна и что такое ее экватор! Тем более они не знали, что пересекли экватор дважды: когда плыли вдоль восточного побережья Африки на юг и когда «поднимались» на север вдоль ее западного побережья.

Для современников этого плавания, примерно в 610 году до Рождества Христова, эти детали могли казаться враньем или в лучшем случае нагромождением нелепостей. Но мы как раз на основании этих деталей уверенно утверждаем – финикийцы побывали в Южном полушарии, проплыли вокруг Африки.

Я старался приводить все детали, даже казавшиеся мне странными или малопонятными. Может быть, именно эти детали смогут исследовать те, кто будет знать больше нашего.

Происшествия, о которых я рассказываю, случались в разных местах, в разное время. Удобнее всего было сгруппировать их именно по этому принципу – по тому, где именно они происходили.

Итак, вот истории о столкновении с необычным – в Красноярске, в других городах и деревнях Красноярского края, в его лесах, болотах и пещерах. А также в тех местах, где я побывал за свою достаточно бурную жизнь.

Часть I. Истории из Красноярска

Глава 1. Чудесная кукла с востока

– О чем это вы тут?

– Да вот обсуждаем, как нам лучше убить двух стариков...

Е. Богат

Эта история произошла в Красноярске как раз перед самой финансовой катастрофой августа 1998 года. Все герои этой истории живы и здоровы, хотя один из них, «новый русский» Дмитрий Сергеевич, стал значительно беднее, а его дочка – значительно менее здоровой. Но все имена я, конечно же, переменю.

Началась же история с того, что жена Дмитрия Сергеевича сбежала с неким жиголом... В смысле, с молодым человеком, который отплясывал с обеспеченными дамами в дамских клубах, утешал их разными способами – в зависимости от того, насколько бдительным был муж и приставленные им стражи. В обмен на внимание дамы обеспечивали мальчику привычный для него уровень жизни, радовали его разными подарками. Чего только не отдаст женщина за искренний интерес и бескорыстное восхищение!

Елена Алексеевна была дама с собственными средствами, помимо денег мужа, она сумела без особого труда увести жиголо всерьез и надолго для себя одной. Так сказать, взяла его на содержание и увезла то ли на французскую Ривьеру, то ли на Канарские острова... В общем, в одно из мест, где «тусуются» богатые бездельники.

А у Дмитрия Сергеевича осталась от жены ребенок, дочка пяти лет. Жена назвала ее Аурелией, но папа звал девочку Катей... Это было, так сказать, домашнее, неофициальное имя.

Дмитрий Сергеевич женился второй раз, но не могла же его жена сама заниматься ребенком?! Во-первых, это не ее ребенок, и нечего взваливать чужие дела на бедную женщину. Во-вторых, ну не может же жена такого почтенного, такого обеспеченного человека сама заниматься домашним хозяйством?! И воспитанием ребенка заниматься ей совершенно незачем.

Поэтому пока вторая жена, Валентина Николаевна, ходила беременная, ребенком занималась гувернантка Леночка. Друг другу они совершенно не нравились, потому что Леночку вырастили существом активным и с огромной склонностью о ком-то заботиться. А Валентина Николаевна хотела только одного – быть обеспеченной и ничего решительно не делать. Она спала до часу дня, а потом валялась перед телевизором или слонялась по подружкам.

– Так это же идиллия, Леночка! – сказал я ей, когда мы обсуждали эту историю, – Множество баб глотки перегрызут кому угодно: денег сколько угодно, и можно ничего не делать!

– Не дай вам бог, Андрей Михалыч, такой «идиллии»... Ну посудите сами, вот выходит женщина за большого бизнесмена, как сейчас говорят, за «крутого». Для многих это идефикс, сразу куча завистниц, подружки чуть ли не рыдают. Или была она замужем, а муж «закрутил»... или «закрутинел», как лучше сказать, Андрей Михалыч? Вот, закрутинел, стал богачом, и начинается...

Говорит: не работай, нечего! Я что, семью не могу содержать?! Я могу... И – я здесь хозяин! Коли прихожу домой – изволь быть туточки...

А зачем, спрашивается, ей здесь быть? Кормить его она не кормит. Муж или приезжает уже сытый, или кормит его прислуга. Причем кормит тем, что готовит опять же не жена, а прислуга. Он часто и вообще не приходит, или приходит... ну вы понимаете... после общения с другими дамами... А что можно сказать? Он за все платит, он хозяин.

Самое главное – чем ей вообще заниматься, этой «счастливице»? Если не работать, и своего дела у нее в жизни нет, тогда чем вообще заполнить время?

– Ну-у... Домашним хозяйством? Муж зарабатывает, жена дом ведет...

– В наше время на это столько времени не надо. Полуфабрикаты, услуги, все могут сделать специалисты. На ведение дома нужно раза в три меньше времени, чем в эпоху керосинки...

Коме того, для кого дом-то вести? Муж проснулся часов в шесть, уехал на работу. Иногда таблетку принял, чтобы быть в силах проснуться, но, уверяю вас, проснулся и уехал. Или там шофер его увез. А в 11, в 12 ночи муж приехал, или его привезли. Муж упал и сразу же заснул. Проснулся в шесть... Улавливаете некоторый круг, Андрей Михалыч?

– Вроде улавливаю. Но еще же есть и воскресенья.

– А по воскресеньям он будет просто спать, Андрей Михайлович! Элементарно отсыпаться. К вечеру проспитесь, примет ванну, оденется, поедет в гости. Иногда с женой – тогда будь добра соответствовать. В смысле, макияз, одежда, пара кило золота.

Зачем делать дом, уютный очаг для такого человека? Он не оценит, уверяю вас. Ему просто не до очага, у него нет на очаг времени и сил. Если даже дать ему очаг, он не будет знать, что с ним делать.

– Ты же говоришь, он сам хочет, чтобы жена не работала...

– Тут вопрос престижа, неужели не понятно? Еще и пережиток некоторый в нас всех до сих пор сидит – ну как же, обеспеченная семья, женщина, само собой, не работает, делает дом... Голсуорси, Толстой, Марк Твен...

– Прошлый век?

– Прошлый век, другая культура. Культура, в которой есть ценность дома, семьи... А эти-то откуда? Из домов? Нет, очень редко. Мало у кого в детстве был дом как особое место, где его всегда ждали, любили... Эти люди из пятиэтажек, а то и из общежитий. Дом? Это для них такое место, где стоят стулья и кровати. Дом и помещение – это для них одно и то же...

– Ну... тогда можно заниматься детьми. Делать дом, но уже не для мужа, а для детей... Это же куча работы!

– Этим тоже занимаются специалисты, за деньги. Научить ребенка языкам? Пожалуйста! Плати доллары, научат! И в Англию повезут, и в Америку, и в семьях там дети жить будут, и все, что только душевненько угодно.

Так со всем, не только с языками. Нужны детям хорошие манеры? Нужно, чтобы они хорошо танцевали, умели бы вести себя за столом у английской королевы? Научим! Вот я этим и занималась, знаю.

Ребенок интересуется ботаникой? Или геологией, или там... ну, заселением Полинезии, по Туру Хейердалу. Что ж, всегда найдем специалиста, он с ребенком позанимается – сделает, найдет, растолкует. Умная, образованная мать тут не нужна... В смысле, можно обойтись и без нее.

– Бабушка у меня всегда говорила, что дом стоит на неработающих женщинах. Если есть женщина, которая ведет хозяйство, обо всех заботится, всех кормит и всем стирает носки, – уже есть дом. А такая женщина еще и помнит все дни рождения, всех родственников, всех друзей, кто на ком женился, кто с кем сошелся и кто любит какую еду или сидеть на каких табуретках...

– Все верно, Андрей Михайлович, только ведь ваша бабушка и представить себе не могла, что люди могут жить без семьи и без этого самого дома. Тем более что люди могут и не хотеть никаких таких семьи и дома. Для поколения бабушек были только семьи хорошие и плохие. Хорошие – это где муж богатый, а жена здоровая; где все устроено по разуму, где много вкусной еды, где дети ухоженные и здоровые. А плохие, соответственно, где муж пьет, жена лентяйка, дети сопливые, бегают без присмотра...

Тут ведь все совсем не так, поймите... Тут жена и не работает, а все, что она может делать в доме, все равно никому заведомо не нужно. Пусть она окажется хоть гением домашнего хозяйства – ну и что?

– Тогда, получается, у них и дома никакого нет, нет и семьи...

– Так зачем она им, «новым русским»? Они живут работой, на работе. Там их дом и есть. У многих сравнение офиса и дома – не в пользу дома. В офисе все продумано, вплоть до дивана и до сауны. Не ухмыляйтесь, Андрей Михайлович, не ухмыляйтесь и не думайте сразу плохого! Чаще всего кушетка нужна для отдыха, если работают круглые сутки. А сауна – опять же отдых, деловые встречи... Дома – постоянный ремонт, бардак, который закончить вечно чего-то не хватает – то ли денег, то ли все-таки особого желания...

– А любовь? А к детям любовь?

– Да в их жизни все эти сантименты – все эти любви, преданности, домашние уюты, кудряшки, первые зубики, штанишки – занимают такое убогое место, что даже говорить неловко. Они об этом, кстати, и не говорят – некогда, не с кем, да и стесняются. Их на все это не возьмешь. Что называется, не на тех напали.

– Ну а все-таки про женщин. У тебя получается, женщинам делать в жизни новых русских просто в принципе нечего.

– В том-то и беда... Им и правда совершенно нечем жить... Причем зависимость колоссальная, просто сверхзависимость какая-то. В прошлом веке муж зарабатывал все деньги, но он и ответственность нес. Без мужа-то не прожить ей, жене. А раз так – то и бросать нельзя. Бить можно, пугать можно, затюкать до рабского состояния... но не бросать. А нынешние что, без мужа не проживут?! Прекрасно проживут себе, так что и моральных запретов куда меньше. Но уровень-то жизни, положение в мире дамы сразу потеряют, без вопросов, стоит только мужу их оставить... Получается, что особой ответственности он не несет, но вот лишит может сразу и многого.

К зависимости – еще и полная беспомощность. Держать-то нечем... Про семью, про дом мы говорили. Детей можно поднять и без матери. Тем более, считается, она и не очень нужна – все сделают специалисты. Простите, секс? Ну вот, вы уже усмехаетесь.

Так что делать бабам нечего и незачем. Это факт, Андрей Михайлович, и это-то самое страшное. Самоутвердиться – терпеть не могу этого слова, а что делать, – самоутвердиться им не на чем и негде. Муж – это все, это глыба, а она – так себе, придаток... Совсем не обязательный придаток. Отсюда и стремление себя поставить... ну хотя бы на словах; соответственно, критичность, вечная оппозиция всему, что делает муж. Хотя этому есть и еще одна причина... Думаю, понятная. Ну, и все прелести женского одиночества, неуверенности, зыбкости положения – тут и истеричность, и «невры», и деградация. И нравственная, и даже чисто внешняя. Для кого, спрашивается, быть красивой и милой?

– Неужто никаких шансов? Что называется, полная безнадега?!

– Не полная, конечно... Кому нужна нормальная семья, тот ее и строит. Только ведь сперва надо захотеть что-то иметь, а таких мало.

Еще хорошо, когда они оба в одном общем бизнесе; тогда им есть о чем разговаривать, у них общие суждения, общие интересы... Это не традиционная семья, это уже что-то другое, но это семья.

Или хорошо, когда у жены есть что-то свое, пусть вовсе и не в бизнесе. Была гувернанткой у одних, где она – художница. Свой мир, свои знакомые, свой образ жизни... Это уже брак не такой и неравноправный, тут весовые категории сравнимые. У женщины есть своя жизнь, какой-то свой профессиональный круг, свои средства... Если она и останется одна – не только не пропадет, но и себя вполне сохранит. Нет неуверенности, напряженности этой, страха... Нормальные отношения, равноправные.

– Лен, а ты как считаешь, новые русские это понимают?

– По-разному... Мужики из предпринимателей себе обычно кого ищут? Они же тоже самоутверждаются. Если тебя самого комплексы к земле тянут, кого тебе тогда нужно? Да того, кто согласен на роль семейного придатка, заранее готов. Того нужно, кого можно об колено ломать и чувствовать, какой ты сам умный и сильный. Или кто сам активничает, нового русского себе ищет: делай со мной что хочешь, только обеспечь. Женщина самостоятельная ведь этого делать не будет, вы же понимаете, Андрей Михалыч, и на роль придатка она совершенно не годится...

Такой вот разговор состоялся уже после этой истории.

А до нее – разбирайтесь сами, идиллия там была или не идиллия, в этой семье, а только было вот как: Дмитрий Сергеевич появлялся в доме на несколько часов, исключительно для того, чтобы выспаться. Катю он почти что и не видел, а если видел – не знал, о чем с ней говорить. Он никогда не занимался с ней. Ни разу за все время службы Лены не проговорил с ней больше нескольких минут. Лена читала с Катей, ходила с ней гулять, рассказывала сказки, мыла ее, учила всяким простеньким, но полезным вещам.

– Посуду ведь все равно надо мыть! Так почему не сделать это весело?!

И они с Катей-Аурелией мыли посуду весело и с удовольствием, а потом шли гулять. В плохую погоду лепили пирожки или делали торт... Дмитрий Сергеевич все удивлялся, зачем Лена печет торты и учит этому Катю. Да еще приносит ему, валящемуся от усталости, эти тортики в кабинет.

– Пусть она учится делать что-то по хозяйству...

Дмитрий Сергеевич дико уставлялся на Лену: что за чепуха?! Женщины его круга не занимаются такой ерундой, как всякое домашнее хозяйство! Этим занимаются разные дуры, которые не успели ухватить своего, не крутанулись, не сумели разбогатеть, набить зоб свой, подняться над серой массой быдла, которое работает и само печет пирожки...

– Еще это способ любить вас, Дмитрий Сергеевич. Я хочу, чтобы Катя вас любила, и хотела бы делать что-то приятное для вас. Почему бы и не тортик?

На такие речи Дмитрий Сергеевич смотрел еще более дико, и Лена видела – он старательно пытался думать, причем о чем-то страшно непривычном. Умный человек на четвертом десятке даже сопел и кряхтел от таких сложных мыслей, и лицо у него делалось несчастное.

Трудно сказать, насколько привязалась Катя к отцу, но к Лене привязалась чрезвычайно. И еще к огромному Пушку, злополучному коту-кастрату. Несчастного Пушка изуродовали месяцев в пять, и он теперь делал только две вещи: жрал и спал. Больше всего это животное походило на огромную мохнатую колбасу, из которой спереди торчит круглая голова с глазами навывкате, а сзади хвост – всегда под одним и тем же углом, потому что двигать Пушок мог только самыми последними суставами хвоста. Те, что ближе к попе, тонули в геологических слоях жира, почти что не двигались. Голова тоже двигалась плохо; если Пушок хотел что-то увидеть, он поворачивал не голову, а всю переднюю часть тела, или даже поворачивался весь.

Валентина Николаевна иногда с Пушком «играла»: ставила его на лестнице, благо квартира на двух уровнях, и пинала сзади. Даже не пинала, а так – придавала ускорение. Кот, издавая пронзительное «У-уу!!!», семенил вниз по лестнице, не в силах ни остановиться, ни свернуть. Он набирал такое ускорение на лестнице, что бежал через всю комнату, влетал в кладовую, открыв ее головой, и только там мог остановиться, развернуться вокруг своей оси. Но когда котятра уже собирался выскочить из кладовой и удрать, его снова ловила хохочущая Валентина Николаевна, тащила наверх. Кот шипел, плевался, завывал, но пустить в ход когти у него никак не получалось – слишком медленно кот двигал своими заплывшими, едва ходящими в суставах лапами. Согнуть лапу он почти и не мог, потому что лапа у кота больше всего напоминала валик подушки.

Но видимо, что-то нормальное, кошачье, свойственное всему живому все же оставалось в этом заплывшем дурным салом, изуродованном существе: кот забирался на Катю, на руки,

обхватывал за шею передними лапами, мог часами петь громко, как моторная лодка. Лене приходилось перекрикивать кота, если она читала Кате.

Когда готовили что-то в кухне, кот укладывался на стол, прямо на тесто, и приходилось его сгонять; тогда кот перебирался на колени к Кате или к Лене и пел, как подвесной мотор.

В спальне Кати стояла специальная кровать для Пушка – точно такая же, как у девочки. Катя перед сном укладывала кота в эту кровать. Она даже пыталась одно время надевать на кота ночную рубашку, но он так шипел и плевался, что Лена без труда уговорила Катю играть с котом как-то иначе.

Кот упорно не желал спать под одеялом, а на подушку клал не голову, а хвост... но это уже другое дело... Главное, что кроватей в спальне было две, и Катя часто шалила – забиралась в кошачью кровать; как-то раз она там на самом деле заснула, а Пушок улегся рядом, нисколько не возражая.

Так что в доме все-таки жили любящие друг друга и преданные друг другу существа.

А Валентина Николаевна... спала до часу дня, потом орала на прислугу, вяло шаталась по косметическим кабинетам и магазинам, каким-то женским клубам, валялась на диване перед видеокомбайном, часами смотрела телевизор. Лена ни разу не видела, чтобы она села за компьютер, раскрыла бы книгу, пыталась что-то сделать руками. Это было дико Лене; она не понимала и не очень уважала вторую жену хозяина, старше ее самой лет на пять.

Конечно, Валентина Николаевна презирала Лену – не сумевшую подняться, встать над стадом серого быдла, которое само моет посуду и печет тортики. А тут еще это быдло жило весело и с удовольствием, без раздражающего рот зевания посреди дня, без мучений, как убить побольше времени. Орать на Лену и обижать ее Дмитрий Сергеевич запретил; от этого Валентина Алексеевна ненавидела Лену еще больше.

Ну и, конечно же, Катя... Лена прекрасно видела, что Валентина Николаевна люто ненавидит Аурелию, особенно с того времени, когда сама понесла. Понятна была и причина: наследство. Быть матерью единственного наследника или одного из нескольких – это для нее оказывалось таким важным, что при одном виде Кати Валентине делалось нехорошо.

Никак нельзя сказать, что Валентина Николаевна вести себя не умела. Еще как умела! По сравнению с ней как раз Лена казалась наивной простецкой девчонкой, у которой что на уме, то и на лице написано. Но как ни улыбалась Валентина Николаевна масляной улыбкой, как ни прищуривала глаза, ни тянула, сюсюкая, слова: «Ой! Вот она, и наса детоцка!» – а сразу было видно, с каким удовольствием она сомкнула бы на детском горлышке длинные, тонкие пальцы с кроваво-красным лаком на ногтях. Прищур глаз будил в сознании не уютные материнские выражения, а прищур хищника перед броском через заросли, напряженное внимание солдата, поднимающего ствол над бруствером, прищуривающегося туда, где перебегают фигурки в чужих мундирах.

Чувствовала это и Катя, напрягалась, зажималась при виде Валентины Николаевны. А уж когда девочка, шарахаясь от одной, сильно привязывается к другой, как же тут ее не возненавидеть?! Хоть выпячивай нижнюю губу, хоть нет, а чувствуешь превосходство этой... к которой мчится ребенок, услуги которой ценит муж.

Особенно же неприятна Лене была одна из подружек Валентины Николаевны, Кира Викторовна. Длинная, тощая, с узким личиком, с тонкими изогнутыми губами стервы. Может, потому, что, бесцеремонно оглядев Лену, скрылась в комнате Валентины Николаевны, и оттуда донеслось громкое:

– Ты права, забавная зверушка!

Или потому, что еще чужероднее, еще страннее Валентины Николаевны для Лены была Кира Викторовна.

А может быть, все-таки и потому, что чувствовалась в Кире Викторовне что-то темное, мрачное, очень далекое от жизнерадостной, здоровой натуры Лены.

Во всяком случае, именно с Кирой Викторовной собиралась ехать в Таиланд Валентина Николаевна, и с ней-то связаны все остальные события. Дмитрий Сергеевич отдохнуть в Таиланде позволил, приставил только двух охранников, и денег дал: ведь впереди у Валентины Николаевны были еще пять месяцев беременности, а потом еще кормление... Сплошные ужасы! Что во всем этом ужасного и почему беременную жену надо жалеть, а не поздравлять, Лена так и не поняла; но Дмитрий Сергеевич, как видно, очень даже понимал. Он входил в положение жены: несчастной, забеременевшей от него в законном браке и теперь ужасно страдавшей.

Неделя, которую Валентина Николаева с Кирой Викторовной шатались по Таиланду, была чуть ли не самой счастливой в жизни дома: никто не мешал Лене и Кате спокойно жить и радоваться этой жизни. А потом появилась Валентина Николаевна с кучей подарков: мужу – чучело несуществующего зверя йесина, для украшения кабинета и чтобы пускать пыль в глаза; большущая кукла для Кати; какой-то потрясающий корм для Пушка, какого нигде больше, кроме Таиланда, днем с огнем не сыщешь. И даже для Лены Валентина Николаевна привезла огромную сверкающую кастрюльку – наверное, она так шутила.

Кукла была огромная, почти в рост трехлетнего ребенка, с очень выразительным восточным лицом, мягкая и увесистая, непонятно из какого материала. Катя просто вцепилась в эту куклу, буквально оторваться от нее была не в состоянии, и пришлось поставить в спальне еще одну, третью кровать. А Лене почему-то стало неприятно от пристального взгляда глаз-бусинок куклы. Она стала сажать это чудо искусства подальше от себя или вообще в другой комнате.

Катя, впечатлительная девочка, до тех пор рассказывала истории в основном из жизни Пушка – ее послушать, так кот чуть только не летал, ловя мошек, и был такой умный, что, когда мурлыкал, рассказывал сказки.

Теперь наступила очередь Тайки – Валентина Николаевна уверяла, что именно так зовут куклу. И умная эта кукла была необычайно, и знала все на свете, и, конечно же, была живая, умела сама ходить.

– Все куклы у тебя живые, Катя!

– Они все понарошку живые, а Тайка в самом деле живая. Она ночью ко мне подбегает, и на горшок сама ходит!

– Разве другие куклы не умеют к тебе подходить?

– Они умеют понарошку... А Тайка в самом деле ходит, она мне горшок приносила!

Оставалось только порадоваться и выразить удовольствие, что есть кому принести Катеньке горшок по ночам. Но что-то смущало Лену в этих рассказах... Она не смогла бы объяснить толком, что именно, но Катины рассказы про Тайку ей не нравились, и она не позволяла Кате ложиться спать в одной кровати с Тайкой. Позже она уверяла, что не было у нее никаких совершенно предчувствий, никаких опасений – просто не нравилась ей кукла, и все. Тем более не нравилось, что Катя стала лучше относиться к Валентине Николаевне, даже стала подражать ей, разговаривая с Тайкой:

– Ну цто зе ты, моя детоцка-а...

А Валентину Николаевну очень забавляли эти разговоры и ее популярность у Кати. Она стала часто прикасаться к ребенку, гладить его, и при этом смеялась глубоким грудным голосом, внимательно глядя на Катю.

Наступал август, ночи стали звездопадными, небо темно-бархатным, глубоким. Исчезли летучие, нежные краски первой половины лета, полная луна выкатывалась багровой, мрачной; только поднявшись совсем, становилась поменьше в диаметре, меняла цвет на медный, излучала медовый свет. Приближалось полнолуние.

Валентина Николаевна была уже на шестом месяце, переживаемые ею страдания сделались так тяжелы, что Дмитрий Сергеевич купил ей бриллиантовое кольцо и сережки с индус-

скими рубинами: от них страдания несчастной Валентины Николаевны не исчезали, но становились все-таки не до такой степени непереносимы.

Эти недели были не очень хорошими, потому что Дмитрий Сергеевич уехал, а Валентина Николаевна, естественно, никуда не девалась... в доме стало очень напряженно.

В этот вечер Лена, как обычно, уложила спать всех трех, каждого в свою кровать: и Катю, и Пушка, и Тайку. Кот сопел, не желал спать под одеялом, вылезал на подушку и наконец заснул, свернувшись в своей кровати калачиком, избалованный до идиотизма. Лена еще почи- тала перед сном, глядя на огромную луну, плывущую за сквером, и уснула.

А спустя какой-нибудь час Лену вырвал из кровати дикий вопль: такой, что она сразу не поняла, человек вопит или животное. Звук шел как будто из детской. Снова дикий, пере- кру- ченный вопль... Или орут сразу в два голоса?! Лена еще пыталась это понять, а уже мчалась по коридору, на ходу надевая халат, мчалась совершенно инстинктивно.

Так же инстинктивно рванулась рука к выключателю. Напрасно, потому что происходя- щее в залитой луной детской и без того было прекрасно видно. Лена только ударила сама себя по глазам этим светом, потеряв какое-то мгновение. Ревущая, обезумевшая Катя метнулась к ней, судорожно вцепилась в ноги, в рубашку, стала карабкаться на Лену, как на дерево или на столб. Ребенок вел себя словно зверушка, и винить его было бы трудно.

Потому что второе, сразу увиденное Леной в детской, был какой-то непонятный клубок возле кровати Пушка. Очертания клубка определить было трудно, комок все время шевелился, менял конфигурацию, и все время ужасно кричал.

Клубок распался. Половина клубка звучно шлепнулась на пол – с таким звуком, с каким падает мокрая тряпка. Таким же мокрым, красно-блестящим было и упавшее на пол. Пушок... нет, правильнее сказать, какая-то часть, от силы половина Пушка, поползла по полу, забилась, загребая единственной лапой, издавала страдальческий вой, от которого хотелось заткнуть уши. За сравнительно целой частью тянулось, липло к полу что-то зелено-сине-багровое, и это «что-то» судорожно сокращалось, как бы жило своей, самостоятельной жизнью.

Второй половиной комка оказалась Тайка. Она и правда стояла, вполне уверенно сто- яла на ногах. Кукла тоже была красная, блестящая, и она всем корпусом, переставляя ноги, как живое существо, развернулась к Лене; стало еще виднее, как страшно заляпана кукла слипшейся шерстью Пушка и как она залита кровью. Катя на руках крепче вцепилась в Лену и взывала сильнее. Кукла засеменила в их сторону, ее полные губы вдруг распахнулись, рот поплыл в разные стороны, захватил пол-лица, и за тонкой красной линией губ открылись два ряда треугольных зубов. Зубы щелкнули, и видно было – нижние зубы входят в промежутки между верхними, образуя сплошной матовый ряд, костяную линию в несколько сантиметров. Катя опять заорала сильнее, забилась, Тайка продолжала семенить в их сторону. Только тут до Лены дошло, что с ней и с Катей сейчас будут делать то же самое, что и с Пушком.

Лена вылетела в полутемный коридор, помчалась, спасая свою жизнь и жизнь ребенка. Сзади нарастал жуткий крик умиравшего Пушка, частый топот маленьких ножек. Сразу возле спальни была ее комната, потом столовая, гостиная, и потом комната Валентины Николаевны. Лена бешено рванула на себя, задергала дверную ручку:

– Вставайте! Беда!

Дверь осталась наглухо заперта, но Лене послышался грудной сдержанный смех в глу- бине комнаты. Очень может быть, что и послышался, потому что возле двери она стояла самое большее секунду: сколько было нужно, чтобы попытаться открыть дверь и прокричать преду- преждение: расставив ручки, жутко ощерившись, за ними деловито семенило существо, только что бывшее Тайкой.

Дальше была дверь парадного входа, но Лена точно знала – она заперта, и ключ – только у Валентины Николаевны. Потом – дверь в кабинет Дмитрия Сергеевича, за ней маленькая дверь в торце – черный ход в кухню и на черную лестницу.

Лена не знала, заперты ли обе двери или нет... Вроде дверь в кухню заперта, потому что черная лестница спускается на площадку возле комнаты охраны. Оставался кабинет, и в него с топотом ворвалась Лена. Она впервые была в святой святых Дмитрия Сергеевича и на какое-то мгновение остановилась, оцепенела от своего святотатства. Клацание ножек по паркету придало новых сил. Залезть на стол? Залезть на сейф? Позвонить по телефону? Не успеет! Найти бы что-нибудь тяжелое... Возле сейфа мерцали красные лампочки, какие-то кнопки, и Лена стала нажимать эти кнопки, смутно понимая, что это – части сигнализации, выход во внешний мир, возможное спасение. Ага! Возле сейфа стояла палка. Обыкновенная палка, но, видимо, из лиственницы или клееного дерева, тяжелая. Изогнутая, расширенная на конце, очень удобная в руке палка, и Лена перестала убегать.

Кукла продолжала довольно быстро семенить в ее сторону, Катя все вопила и орала, стискивая Ленино плечо, и Лена (сама понимая, что слабо) ткнула тварь этой палкой в лицо. Палка вывернулась, Тайка двигалась почти без остановки, Лене снова пришлось убегать. Вроде бы где-то на пределе слышимости взвыла и сразу замолчала сирена... Лена не вполне была уверена. Она размахнулась еще раз, поняла, что сильно ударить не сумеет... с трудом оторвав от себя Катю, девушка посадила ее на шкаф – все-таки повыше. Тайка целенаправленно семенила к ней, и Лена почему-то была уверена – кукла ее прекрасно видит. Она не была уверена, что сможет попасть по Тайке так, чтобы ее остановить и чтобы кукла не увернулась. Девушка обеими руками ухватила за рукоять палки, ударила с такой силой, что у нее самой потемнело в глазах от напряжения. Доводилось Лене и косить, и ездить на лыжах, так что мышцы у девушки были совсем не плохие. А вот палка подвела: плоская, как хоккейная клюшка, она ушла в сторону, только звучно шлепнула куклу по темечку, а сама врезалась в стол. Удар получился такой гулкий, что эхо пошло по квартире, стол зашатался, а от палки отлетела длинная узкая щепка. Лену словно исцелил этот удар: она почувствовала, что сможет бить с нужной силой. Тайка плюхнулась на зад, тут же подскочила, как будто подброшенная пружиной, и опять засеменила к Лене. Лена отбежала от нее. Теперь Тайка оказалась между Леной и шкафом, на котором сидела Катя-Аурелия. Ребенок зашелся от крика, буквально завыл, заглушив своим воем Пушка.

Лена раза два взмахнула палкой, чтобы научиться направлять ее, плоскую, куда ей надо. Тайка деловито семенила, разевая и захлопывая пасть. Только теперь Лена поняла: позади нее все это время клацали не только ножки по паркету. На этот раз Лена попала: с воющим шелестом и свистом палка врезалась в голову Тайки, Лену шатнуло вперед. Громко треснуло, гулко отдалось, и куклу опрокинуло, пронесло по полу; теперь кукла сидела, прислонясь спиной к ножке стола. Она делала странные движения руками, челюстями, всей головой, судорожно шевелилась. Лена ударила опять. Девушка боялась угодить по ножке стола и направила удар сверху вниз, словно бы рубила топором. Ей показалось, что теперь удар получился слабее, но во второй раз треснуло еще громче, звонче, кукла распласталась навзничь.

Но и это еще было не все: из головы твари текла какая-то тягучая белая жидкость, ее ручки и ножки подрагивали, складывались в суставах, а жуткие челюсти как будто бы что-то жевали. Уже рыдая, уже позволив себе это, Лена двинула снова, целясь в проклятые челюсти, но ударила куклу по корпусу. Там тоже что-то захрустело, треснуло; в образовавшуюся трещину стала толчками проливаться другая жидкость – темно-багровая, со сгустками.

Может быть, Лена била бы еще, но тут подала голос Катя. С первым же ударом, рухнувшим на Тайку, девочка замолчала, только замороженно наблюдала сверху за битвой. А тут ребенок слабо пискнул, звук странно отдался в тишине, и Лена тут же отбросила палку, кинулась к девочке, стащила ее со шкафа... ноги у нее подкосились. Девушка рухнула на диванчик, обняла Катю изо всех сил и, задыхаясь, лежала, как в оцепенении. Катя тихо плакала, икала, сотрясаясь от горя; только сейчас Лена начала понимать всю меру ее психотравмы. Опять начало орать то, что еще осталось от Пушка.

– Эй! Э-э-эй!

Над Леной стоял охранник – парень примерно ее лет, в камуфляже, с пухлым заспанным лицом.

– Эй! Что тут у вас происходит? Кто сигнализацию включил?

С четверть минуты Лена просто смотрела снизу вверх на это глуповатое сытое лицо, похожее на иллюстрацию к поговорке «солдат спит – служба идет», и наконец разлепила губы:

– Девочка чуть не погибла. Вон там, в детской... там посмотрите.

– Где?

– В детской... Там это существо съело кота.

Парень смотрел на Лену странно. И с мужским восхищением, хотя, по мнению Лены, выглядела она как угодно, только не привлекательно: в затрапезном халатике поверх ночной рубашки, сшитой самой из простынного ситца, всклокоченная, с перекошенным заплаканным лицом.

И в то же время смотрел солдатик с опаской, с недоумением – как смотрят на людей с поврежденной психикой... говоря попросту, на ненормальных.

– Да вы посмотрите... И на то вон, что под столом лежит, и в детской...

Солдатик кивнул, начал действовать, как ему сказала Лена, – наверное, привык исполнять, что ему говорит кто-то другой. Он наклонился над остатками Тайки и удивленно окликнул:

– Эй! Эта штука что... живая?!

– Я же тебе говорила... И бросай свои «эй». У меня имя есть – Лена.

– А я – Вадим!

Парень расплылся в идиотской улыбке, посмотрел так, что Лена инстинктивно запахла, стиснула халат у самого горла.

– Лучше посмотри в детской, Вадим...

Парень вернулся очень быстро, с совершенно перекошенным лицом.

– Это... Это все оно?... Вот это?

– Оно... Вадик, ну сделай ты что-нибудь!

Как очень многие девицы, Лена искренне была убеждена: если появился мужчина, парень, ее проблемы уже кончились. Все, что нужно, сделают – вылечат Катю, пристрелят остатки Пушки, разберутся с Тайкой, дадут ей отдохнуть... Причем сделают это все сами, без подсказок, и лучше, чем придумает сама Лена. Такие представления часты у девочек, выросших в прочных семьях, с хорошими, надежными отцами.

Вадик тупо уставился на Лену, потом метнулся к пульту, где все еще мерцали красные лампочки, заговорил что-то, переводя тумблер то вверх, то вниз.

– Что у вас тут происходит?! Почему вы не даете мне спать?!

В дверях комнаты стояла Валентина Николаевна. В халате, как и Лена, но сразу было видно, кто тут прислуга, а кто хозяйка: такой багровый с золотом, переливающийся был этот халат, такими кружевами выпирало из ворота халата то, что под ним.

И тут же хозяйка всплеснула руками:

– Что-то случилось с Катериной?!

Тут ее взгляд упал на Катю, сидевшую в обнимку с Леной, и лицо Валентины Николаевны отразило такую гамму чувств, что Лене опять стало плохо: истина начала приоткрываться ей.

Что сказать дальше? Появился начальник охраны: пожилой, сравнительно умный для военного, понятливый, и все стало решаться, как и думалось Лене: пристрелили остатки Пушки – голову и грудную клетку с одной лапой, позвонили каким-то знакомым ученым. Они увезли слабо шевелящуюся, порывавшуюся встать Тайку. Другие люди занялись Катей, что-то дали ей, укололи, произнесли какие-то мудреные термины. Ребенок постепенно успокоился,

притих, а потом незаметно уснул. Врачи поговорили с Леной и оставили Катю в квартире, пока не вернется отец. Лена еще долго рассказывала обо всем произошедшем этому пожилому, спокойному, который смотрел хорошо. Вадим, слава богу, стоял рядом и молчал – неподвижно, как биоробот. Только уже утром все было кончено, и Лена сумела заснуть часа на два: дольше она боялась спать, чтобы Катя, уснувшая в ее кровати, не проснулась, пока она сама спит.

Днем прилетел Дмитрий Сергеевич; вечером, после разговоров с врачами, учеными и охранниками, дошла очередь до Лены. Лене улыбались и давали деньги, обещали повышение и самые лучшие рекомендации в лучшие дома, жали руку и расспрашивали о жизненных планах.

А Валентина Николаевна исчезла. Так и исчезла, стоило Дмитрию Сергеевичу войти в ее комнату с несколькими незнакомыми людьми. Лене казалось, что из ее комнаты слышался какой-то умоляющий голосок, но уверенности в этом не было никакой. Так, полупонятный, еле различимый звук на пределе слышимости, и все. Лена даже не видела, чтобы Валентина Николаевна выходила бы из своей комнаты. Вошедшие к ней люди вскоре исчезли из квартиры, и Лена никогда их больше не видела, но Валентины Николаевны с ними не было. И больше она ее никогда не видела: Валентина Николаевна исчезла, как будто растворилась в воздухе.

Лена больше не служит в этом доме, потому что после всех ужасных происшествий Кате уже нужна совсем не такая гувернантка, как Лена, а женщина спокойная, положительная и с медицинским образованием, лучше всего – педиатр. То, что Катя любила Лену, а Лена спасла ей жизнь – какое это имеет значение?! Все должны делать специалисты, и все дело в том, чтобы иметь возможность их своевременно нанимать. Кате пора самой понимать, как надо жить людям «их круга», а Лена ведь кто? Лена совсем простенькая девушка, годится только на самый ранний возраст, до элитной школы с уклоном в английский язык, до школы для «своих людей». С такой девочкой, которой еще рано в школу, опять занимается Лена. В семье, которую хорошо знает и Дмитрий Сергеевич.

Правда, Лена отказалась от другого предложения: выйти замуж за Дмитрия Сергеевича.

– Ленка! Как ты могла?!

– А зачем он мне, Андрей Михайлович? Он неумный, чужой... И не люблю я его.

– Наверное, могла бы и полюбить. Он ведь личность-то крупная, и человек неплохой.

– А он все равно не даст себя любить, ему этого совсем не надо. Он же думает просто: Валентина Николаевна не оправдала – ни денег, ни доверия не оправдала. Ему нужен наследник, а я молодая, здоровая, Тайку вон как разделала... Мне это нужно – новых балбесов рожать, а самой быть никем, зовут никак, живу нигде? Нет уж, стать женой нового русского – я для этого себя пока еще уважаю. А кроме того, вы не могли бы сказать – куда девалась Валентина Николаевна?

– Догадываюсь.

– Вот и я догадываюсь. Сказку про Синюю Бороду помните?

– Конечно, помню, только ведь нет в современных квартирах такой комнаты...

– Ага... Есть только молчаливые такие люди, приходят и уходят... По сравнению с ними куклы из Таиланда – это так, бабские штучки...

В этом месте Лену сильно передернуло.

Глава 2. «Суриковская гимназия»

*Розга ум вострит, память напрягает
И волю злую ко добру прилагает.*

Педагогическая мудрость XVIII века

Дело в том, что этого же мальчика в старинной форме, стоящего в углу, видело много людей, хотя и в разное время, и, кажется, даже в разных зданиях Красноярска. Больше всего он связан, конечно же, с «суриковской гимназией», то есть с реальным училищем на Благовещенской улице (ныне улице Ленина), с одноэтажным каменным зданием под № 79.

Строго говоря, никакая это не гимназия. Дом этот вообще построил, чтоб в нем жить со своей семьей, мещанин П. Комаристов в 1829 году. А в 1832 году купец 3-й гильдии Власьевский это здание купил и пожертвовал народному уездному училищу: открыли училище еще в 1819 году, да вот помещения у него подходящего не было, ютилось училище в «неподобающем» доме. А дом Комаристова, стало быть, купец Власьевский счел «подобающим».

Называлось оно полностью так: «1-е Красноярское народное уездное училище». Никакая не гимназия. При советской власти, после создания единой трудовой школы, расположили тут начальную школу. До последней школьной реформы начальным считалось четырехлетнее образование, а в здании было как раз четыре классные комнаты, кроме удобнейшей рекреации и такого же удобного кабинета директора. Название «суриковская» появилось потому, что в этом училище в 1856–1861 годах учился Василий Суриков – отблески его славы падали и на здание, и на школу, расположенную в нем.

У многих красноярцев связаны с этим зданием самые идиллические воспоминания: ведь в 1960-е годы, когда уже стали обычным делом школы-гиганты, на 800 и на 1200 учащихся, «суриковская школа» оставалась островком милой патриархальщины, где как-то не было ни хулиганства, ни грубости и обезлички нравов, типичных для огромных школ. Учеников было мало, учителей – вообще единицы, и все хорошо знали всех.

И была такая вот возможность, как у нашего класса, выпускного 4-го «А». В этот весенний день, под пронзительно-синим небом майской Сибири, в нежной грязи, пропитанной водой таких же пронзительно-синих ручейков, мы отыскиали кости, и появилась у нас некая уверенность – а ведь это, скорее всего, кости динозавров, а может быть, каких-то других древних животных? Иначе почему бы вымыло эти кости водой из земли и швырнуло перед самой школой?!

Долго мы выясняли, какое бы древнее животное могло оставить эти кости, пока не пришла тетя Поля, вахтер и непререкаемый авторитет.

– Ну и чего уставились?! Лошадиные челюсти валяются! – коротко прикрикнула она, поддав ногой этим косточкам, ввергая нас в недолгую, но бурную десятилетнюю тоску. Нет, расставаться со сказкой мы не хотели никак.

– А может, на этой лошади ездили древние великие герои? – вздохнул Андрюша Гуров – тогда милый и маленький, очень увлеченный естественными науками. Настолько, что даже подвергался в школе репрессиям в виде проработки на «линейках» – нельзя же было допустить, чтобы третьеклассник ловил и сажал в спичечные коробки тараканов, да еще непосредственно на уроках!

Впрочем, даже обучение в советской школе не отбило у Андрея Гурова любовь к естественным наукам. Он долго работал в Институте леса и древесины Академии наук, потом пре-

подавал, читал лекции по энтомологии Сибири в Падуанском университете... А сейчас опять трудится там же, в Институте леса.

Так вот, в этот весенний день, звонкий, промытый вешними водами, я как будто видел стоящего в углу школьника в странной, необычной форме. «Как будто» – потому что не приглядывался, не фиксировал внимания. Если я даже что-то видел, а не померещилось, и если я не стал жертвой «ложной памяти», заставляющей «помнить» не то, что было в действительности, а то, что навязано грядущими событиями... Если даже я и видел этого стоящего в углу, было сие мимолетно, никакого серьезного внимания я на него не обратил. Скорее всего, я бы вскоре намертво забыл этот случай, если б не все дальнейшее.

Что характерно, этот призрак никогда не появлялся в классной комнате или в буфете; никогда не подсаживался за парты к ученикам во вторую смену, когда на улице давно темно, и не пытался играть в какие-то обычные детские игры, типа лапты или чехарды. Единственное место, где иногда возникал мальчик в гимназической форме, – это угол в рекреации, всегда один и тот же – восточный.

Появлялся он решительно в любое время дня. Не могу ручаться за ночь, потому что ночью это место никогда никем не посещалось, а привидение было очень тихое, никогда не издавало никаких звуков. Оно вполне могло всю ночь простоять в углу, не обратив на себя ни малейшего внимания. Очень может быть, он и правда стоял там всю ночь, только никто не видел; кто знает?

В этом здании привидение мальчика исчезло, когда «суриковскую гимназию» перепрофилировали – вместо общеобразовательной школы разместили в том же здании музыкальное училище. Было это в середине 1970-х годов; после этого никто никогда не видел в этом здании призрака.

Впрочем, некоторые относят появление этого призрака к совершенно другому зданию, в квартале от «суриковской школы», – к зданию мужской гимназии, на углу Благовещенской (Ленина) и Гимназической (Вейнбаума), по адресу Ленина, 70.

Это здание гораздо презентабельнее первого – красивый резной камень, три этажа, высокое красивое крыльцо. Якобы и в этом, построенном в 1888–1989 годах здании встречали призрака, стоявшего то в углу одной аудитории, то в другой. Очень это странно, потому что в мужской гимназии была даже Кирилло-Мефодьевская домовая церковь – над вторым этажом, в центральной части. Впрочем, эти воспоминания относились почему-то к строго определенному периоду времени – ко второй половине 1930-х, к сороковым годам. В это время, разумеется, ни о какой такой мужской гимназии и речи быть не могло, и даже само слово «гимназия» считалось буржуазным, в принципе враждебным новой власти. В здании мужской гимназии с 1932 года разместили сельскохозяйственный институт, и призрак, стоящий в углу, несколько раз замечали студенты института.

Но, мне кажется, полуголодные студенты тех лет могли и ошибаться – был слух о призраке «в гимназии», а эти студенты вполне могли перепутать здание «суриковской гимназии», как его тогда уже называли, и здание настоящей мужской гимназии, в котором они сами учились. Ну, а если студенты смогли убедить себя, что призрак появляется именно здесь, они вполне могли убедить себя и в том, что они этот призрак «увидели».

Говорили мне и о появлении этого призрака в здании № 83 по улице, которая в 1881–1885 годах, когда этот дом построили специально под женскую гимназию, называлась Большой Воскресенской. Потом улица стала называться проспектом Сталина, а после исторических решений XX съезда, разоблачивших культ личности Сталина, сделалась проспектом Мира; в этом качестве она существует по сей день. Дом этот расположен всего в двух кварталах от «суриковской школы» и в трех – от мужской гимназии. Но только призрак там появляться никак не может, потому что это здание женской гимназии, а при советской власти там размещались филологический и исторический факультеты педагогического института. Вполне могу

представить себе появление там не менее интересного призрака – но будет это, если хотите, призрак нерадивой гимназистки или студентки филфака, а уж никак не гимназиста.

Это было тихое, никому не мешавшее привидение, сквозь которое просвечивали стены и которого никто, насколько мне известно, не боялся. Привидение, по моим сведениям, не появлялось уже лет сорок или около того. Видели его, повторяю, многие, и даже дети обращали на него внимание – потому что нас если и ставили в угол, то не лицом, а спиной к стенке, и совсем не обязательно строго в угол. Существовало даже выражение: «Поставить охранять доску», то есть ставить учеников возле доски, как бы в некоем карауле. Но, с другой стороны, и обращать внимание на привидение считалось глубоко неприличным.

Я долго расспрашивал старожиллов, пытаюсь понять – чье привидение это могло быть? Призраки детей вообще появляются редко. Настолько редко, что некоторые специалисты и теоретики по этой части вообще отрицают такую возможность. Якобы дети любого возраста не становятся привидениями, независимо от причин и способа их смерти. Но в углу «суриковской школы» вполне определенно возникал именно подросток, примерно лет 13–14 или, самое большее, 15. Тут приходится исходить из фактов – вот такое привидение появлялось в одном из зданий Красноярска в совсем не таком давнем прошлом. История, которую мне удалось узнать, скорее всего, неполна и страдает множеством неточностей. Слишком о многом не полагалось говорить и даже думать все десятилетия, которые Колька Сорокин появлялся в здании начальной школы № 1 города Красноярска. Даже сам факт появления призрака, а уж тем более обстоятельства его появления были очень уж нелюбезны сердцу и властей, и основной части общества. Даже если кто-то что-то знал, он загонял свое знание на самое дно и старался не вспоминать ни о людях, ни об их судьбах, ни о событиях этого страшного года от Рождества Христова 1918-го.

А началось все с того, что сын мелкого чиновника земельного ведомства Колька Сорокин оказался органически не способен выучить немецкий язык. Впрочем, Николая Николаевича Сорокина-старшего, отца Кольки, иногда называют еще чиновником лесного ведомства. Вроде бы размечал он лесные массивы – какие отводить под раздачу переселенцам, а какие оставить в собственности у казны. Две старушки даже яростно спорили на моих глазах – был ли Николай Николаевич Сорокин «ученым агрономом» или «ученым лесоводом». Я присоединяться к этому спору не буду: во-первых, размечать делянки мог с одинаковым успехом чиновник обоих ведомств и человек с любым из этих двух образований – лесным и агрономическим. А во-вторых, это не очень важно для нашего повествования. Несравненно важнее для него сочетание у папы-Сорокина двух качеств: патологической серьезности при дефиците фантазии и чувства юмора (то-то в семье три поколения подряд были одни Николаи); и, в качестве второго важнейшего качества, уважение к науке и страстное желание как-то выучить сына, увидеть его полезным и почтенным членом социума.

Ну вот, а сын в первом же классе училища не смог сдать немецкий язык! Получил двойку, а при попытке пересдать – так и вообще двойку с минусом! Папа сделал, что мог, – выпорол Кольку ремнем. Он вполне искренне и простодушно полагал, что свой отцовский долг с избытком выполнил. Колька плакал и орал, выворачиваясь из цепких папиных коленей, но выучить немецкий все равно остался не в состоянии, завалил экзамен в третий раз.

Дальнейшее покрыто не то чтобы совсем уж мраком... Скорее, можно сказать, что дальнейшее покрыто легкой, как бы вечерней мглой, потому что неясно – был ли Колька до этого знаком с Яшей Вейнгартеном или нет? Велика ли разница? Как знать... Потому что, по мнению одних, и совсем не обязательно глупых людей, папа-Сорокин сам подтолкнул своего сына к революции, своим педагогическим варварством. Повадившись лупить сына, он просто вынудил его мстить жестокому отцу, а заодно, получается, и всему, что отец отстаивал и «вколачивал» такими методами в Кольку.

Но другие, и тоже совсем не глупые люди полагают прямо противоположное: дегенерат Колька с самого начала просто не мог не пристать к революционному берегу – именно потому, что уродился идиотом, и ничего тут не поделаешь. Эти люди полагают, что корень зла как раз в том, что папа Кольку еще мало порол: вот если бы начал пороть раньше и свирепее, глядишь, и Колька не посмел бы примыкать к революции и заниматься прочими гадостями.

А Колька гадостями занимался хотя бы уже в том смысле, что совершенно не учился. Стараться-то он старался, но все равно сидел по два и по три года в каждом классе. Современный читатель уже не помнит, наверное, что такое вообще «второгодник». Современная педагогическая система очень гуманна, она даже самого отпетого идиота считает полезным аккуратно переводить из класса в класс: нельзя же наносить психологические травмы деткам!

К тому же сейчас высокогуманные педагоги всерьез считают, что все дети очень одаренные и что это фашизм – воображать, будто одни дети умнее других. Все люди всех возрастов не бывают лучше или хуже друг друга, а бывают разными, и только. Поэтому детям лучше бы вообще не ставить никаких оценок, а если приходится ставить, то лучше ставить все оценки совершенно одинаковые. Тем более совершенно немыслимо одних детей переводить из класса в класс, а других – не переводить! Это и есть подчеркивание злой выдумки, будто одни лучше других, то есть интеллектуальный фашизм...

К чему приводит действие этого высокогуманного принципа, видно очень хорошо – и уровень получаемого образования, и качество выпускаемых специалистов неуклонно снижаются уже лет пятьдесят, и к чему придет вся мировая цивилизация, сказать трудно. Но во времена, о которых идет речь, документ об образовании действительно что-то реально означал; если человека переводили в другой класс, то, уверяю вас, он знал материал предыдущего года обучения! Попробовал бы он не знать!¹

Колька материала не знал, и его, соответственно, в другой класс не переводили; чем дальше, тем оригинальнее смотрелся здоровенный жлоб, учащийся вместе с детьми на два, а потом и на четыре года младше. Вообще-то в училище шли в девять лет, но сердобольный домашний доктор пообщался с Колькой, поспрашивал его о том, как он живет и чем интересуется, а потом посоветовал родителям отдать Кольку не в гимназию, а в училище, и не в девять лет, а на год позже... Пусть поживет, окрепнет до училища. Колька пошел в училище в десять лет; в первом классе он сидел два года, и целых три года, – во втором; к концу второго класса ему исполнилось пятнадцать лет; Колька странно смотрелся на фоне десяти-одиннадцатилетних соучеников.

Единственное, что еще хоть как-то спасало Колькину репутацию, – это участие в нелегальном марксистском кружке. Началась война, а кружок из всех сил вел пропаганду, согласно которой нужно было перевести войну империалистическую в войну гражданскую, чтобы начать «экспроприировать экспроприаторов». Попросту говоря, предполагалось начать грабить все, что «плохо лежит», а что лежит плохо, определять самим, по ходу дела. Такую пропаганду, разумеется, ни в мирное, ни тем паче в военное время категорически невозможно допустить; ни одно государство никогда ее и не допустит.

Но прогрессивное общество вполне серьезно считало, что государство в Российской империи – устарелое и гадкое, что как раз такая пропаганда и полезна для революционного взрыва и обновления всего общества. Какие бы вредные и опасные идеи ни пропагандировали эсеры, марксисты всех толков, анархисты и прочая нечисть, какие бы бредовые идеи «революционного переустройства общества» они ни толкали, это принималось самым восторженным образом. Даже когда действия радикалов несли увечья и смерть самим людям из общества, они с упрямством, достойным лучшего применения, гнули ту же безумную линию.

¹ Я писал все это в 2000 году. Читатель видит, какими темпами идет дебилизация молодежи, и может оценить степень вреда, причиняемого новомодными теориями образования. Не только в России – во всем мире.

Вот в Севастополе прогремел взрыв: эсеры пытались убить одного из «царских сатрапов». «Сатрап» – то как раз и не вышел на прогулку в этот вечер, взрыв погубил 12 совершенно не причастных людей, искалечил, ранил и обжег несколько десятков. Невероятно, но факт: адвокаты (!!!) уговаривают пострадавших и их родственников – не подавайте заявлений, не пытайтесь преследовать преступников! Ведь взорвали заряд люди, которые вершат великие дела, собираются переустроить Российскую империю, строить новое, справедливое общество. Как же можно их останавливать?!

И вообще: если вы требуете наказания преступников, вы выступаете вместе с (страшно подумать!) жандармами и царскими сатрапами, поддерживаете правительство душителей народной свободы и насильников над народом, пролетариатом и трудовым людом. В общем, кошмар...

Самое удивительное, что многие забирали уже написанные заявления, а свидетели отказывались давать показания или всячески запутывали следствие: ведь нельзя давать показаний против людей, вершащих столь великие дела в интересах трудового народа.

Так что и в Красноярске все знали, конечно же, кто входит в разбойничье подполье, кто собирается и где, в котором часу, с какой целью. Знала и полиция, естественно, но вот мер никаких не принимала. Фактически кружки действовали легально – всем, и полиции в том числе, или было совершенно наплевать, что дико нарушается закон, или же люди, скажем так, не имели ничего против безумия.

Колька, начиная с зимы 1916 года, все активнее ходил в нелегальный марксистский кружок. Чем хуже шли его дела в училище, чем чаще он стоял в углу, тем активнее Колька занимался политикой. Ах, как ему нравился марксизм! То есть читать Маркса, Энгельса, Каутского и Ленина ему не нравилось... А вот обсуждать сочинения классиков и гениев – это очень даже нравилось! Парадокс в том, что чтение это очень уж напоминало учение в училище, даже в чем-то злополучный немецкий язык. А вот обсуждение уж точно ни к чему не обязывало. Тем более – чем более злобно «обсуждал» произведение Колька, тем получалось лучше и тем серьезнее принимали его взрослые члены кружка. Колька скоро приунылся – брал книги вроде бы почитать, но читал лишь минимум, чтобы потом лучше обсуждать. Нравился ему и хозяин дома, руководитель кружка Яша Вейнгартен, часовщик и большой теоретик, строитель будущего общества с двумя классами гимназии: сочувствующий человек, понимающий.

– А при социализме... При нем никаких гимназий не будет? Вообще? – спрашивал Колька с замиранием сердца, очень боясь ответа, что при социализме не будет этих гимназий, но будут какие-то другие... Но Яша отвечал все правильно:

– Сколько раз тебе говорить... Учиться – это буржуизм сплошной, не надо это никому на хрен. Гимназия – это гибель пролетариата, сплошное вырождение великих идей и мелкобуржуазное загнивание.

Вейнгартен доходчиво рассказывал, как в Могилевской гимназии его ловили контрреволюционные элементы при попытках экспроприировать часть их денежных средств: ведь эти средства были у них явно избыточными, ненужными, они были похищены у трудового народа если не самими гимназистами, то их папами. А эти дикари, представьте себе, ловили Вейнгартена и били его, несчастного страдальца за интересы борющегося пролетариата!

Трудно сказать, марксизм ли тут действовал, или эти рассказы Вейнгартена, но только Колька повадился еще и воровать. Папа-Сорокин уже почти простил неупутевого сына за то, что он боролся с клерикальным мракобесием и феодальной реакцией, вступил в прогрессивный кружок. Даже двойки по немецкому языку мог папа простить за революционную идеологию, но уж никак не воровство. Воровства папа стерпеть уже органически был не способен, марксизм там или не марксизм, и опять Колька садился на самый краешек парты.

Какое-то время своей жизни он буквально цепенел, стоило папе посмотреть на него ледяным взглядом василиска и пошевелить нафабранными усами. После того как Колька спер

и сожрал три фунта шоколаду у собственной бабушки, папа отделал его так, что Колька даже с перепугу выучил немецкие слова: «дас фенстер», что означает – окно, и «дер тышь», что означает стол. Учитель немецкого языка прослезился от умиления и поставил Кольке долгожданную «тройку», а папа задумчиво произнес «Гм...». В его оловянных, навывкате, глазах Колька прочел свой приговор: если уж от одной порки сын начал учиться, так тут перед папой вырисовывалась задача – ни в коем случае не ослаблять усилий...

Но время работало на Кольку, а не на почтенного чиновника, «ученого агронома» Николая Николаевича. В начале 1917 года, когда дело шло явно к революции, ни один самый отпетый сатрап не посмел бы поднять руку на прогрессивного, революционного мальчика. Где-то в феврале 1917 года Колька первый раз полез на трибуну, выступил на митинге... Внизу лепились лица – бородатые лица взрослых казаков, чистые лица девушек, серьезные лица взрослых, солидных людей... Колька знал, что должен сказать что-то важное для всех этих людей... что-то такое, что увлечет, поведет за собой каждого из них. Что говорить?! Идут минуты, летят тучи по небу, ждут запрокинутые лица внизу, под трибуной. И, выбросив правую руку, Колька картинно махнул шапкой над толпой:

– Долой родителей! Довольно они пили нашу кровь!²

Взревела, заорала толпа, вскинула руки в согласии. Действительно, ну сколько они могут пить нашу кровь?! Долой! Долой!

Оглушенный, опьяненный этим ревом, Колька опять выбрасывает вперед руку:

– Долой гимназии! Долой учителей немецкого!

– Ура-ааа! – орали обыватели.

– Долой! – орали гимназистки, растопляя сердце Коли Сорокина.

После такого головокружительного успеха на митинге Колька мог быть совершенно уверен – папа его выдрать не посмеет.

Времена наступали страшненькие, и страшненькие люди собирались в городе, возвращались с каторги и бежали из ссылок. Самый приличный из них был, пожалуй, Адольф Густавович Перенсон – он по крайней мере имел профессию военного врача, а на каторгу попал за участие в кронштадтском восстании 1909 года, потом отбывал ссылку в Енисейской губернии.

Остальные же были людьми двух типов... Одни – вроде Якова Ефимовича Богграда, который со времени обучения в одесской гимназии стал революционером и больше никогда ничем не занимался. Такими же были и Григорий Спиридонович Вейнбаум, ушедший из Петербургского университета, и Яков Федорович Дубровинский, и Ада Павловна Лебедева, и Тихон Павлович Марковский: люди, чем-то неуловимо похожие на самого Кольку Сорокина.

Немного иным был Моисей Соломонович Урицкий; сын богатого сахарозаводчика, он учился на юридическом факультете Киевского университета, откуда и ушел в революцию. У него были не только революционные убеждения, у этого Урицкого! У него были и заслуги... Например, именно Урицкий 27 октября 1905 года спровоцировал драку между «левыми» рабочими и черносотенцами, причем погиб рабочий Журавлев.

Вот это был человек! И все они – вот это были люди! Колька необычайно гордился, что такие люди принимают его в свой круг, общаются с ним, доверительно интересуются его суждениями об обществе будущего, поручают ему всяческие дела – то сбегать за папиросами, то дать характеристику кому-то из контрреволюционеров.

А потом наступило событие, которое все годы существования СССР называли исключительно торжественно: триумфальное шествие советской власти. Расшатанная собственной

² Подлинный случай, даже повторявшийся несколько раз. С лозунгом «Долой родителей! Довольно они пили нашу кровь!» выступал, в частности, Григорий Евсеевич (Аронович) Радомысльский, по матери – Апфельбаум, а по партийной кличке Зиновьев. Этот большой классик и гений марксизма, среди прочего, был одним из самых приближенных к Ленину людей. Избавления от гнета родителей он требовал в гимназиях родного Елизаветграда, с 1924-го по 1934 год носившего имя «Зиновьевск».

дуростью и нерешительностью, многолетней агитацией и войной, нормальная власть окончательно развалилась; и кто кинулся ее поднимать? Тот, кто давно и сильнее всего этого хотел, разумеется. Возникло сразу много «правительств», все они одновременно грабили обывателей и враждовали друг с другом, да заодно еще с Временным правительством в Центре, где-то в Петрограде. А вот после «триумфального шествия» только одно правительство царило в оцепенелом от страха городе, творило все что угодно. Да, это было время грабежа совершенно других масштабов! И террора совершенно иных масштабов!

Кольку Сорокина большевики по-прежнему любили: очень уж интересные вещи он рассказывал про то, у кого есть и какие именно золотые и серебряные вещи, и кто какие слова раньше говорил про большевичков. Ада Лебедева очень интересовалась, какими словами определили ее в обывательской болтовне, когда она пьяная валялась по дороге на базар с задранный юбкой. Яшу Богграда крайне беспокоило, кто слышал о его увлечении онанизмом, еще в одесские времена, а Гришу Вейнбаума волновало не меньше, слышал ли кто-нибудь о судьбе студенческой ссудной кассы, загадочно пропавшей одновременно с его уходом в революцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.